

СЦЕНАРИСТ СЕРИАЛОВ «ДОКТОР ХАУС»,
«ЗАКОН И ПОРЯДОК», «СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЕ»
И «С.С.И. МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ»

ОЖЕРЕЛЬЕ

МЭТТ УИТТЕН

перевод Марии Мальцевой-Самойлович

триллер

МИ∞

МИФ Проза

МЭТТ УИТТЕН

Ожерелье

«Манн, Иванов и Фербер»

2021

УДК 82-312.4
ББК 84(7Сое)6-445.7

Уиттен М.

Ожерелье / М. Уиттен — «Манн, Иванов и Фербер»,
2021 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-195161-2

Психологический триллер от звездного сценариста Мэтта Уиттена («Закон и порядок», «Доктор Хаус», «Сверхъестественное»). Долгих двадцать лет Сьюзен Лентиго представляла себе казнь того, кто убил ее дочь. Психопат, чудовище, убийца. Кто он – случайный прохожий, потерявший самообладание? Или хладнокровный преступник, не сумевший замести следы? Станет ли Сьюзен легче, когда он умрет? И что, если в смерти ее дочери виновен кто-то другой? Для кого эта книга Для поклонников тру-крайм детективов и остросюжетной прозы. Для тех, кому понравился фильм «Три билборда на границе Эббинга, Миссури». Для любителей психологических триллеров о сложности выбора и борьбе за правду. Для поклонников книг Карин Слотер и Джейн Шемилт. От автора Девять лет назад я прочитал статью в «Гленс-Фолс Пост-Стар» о женщине из маленького городка на севере штата Нью-Йорк, которая проводила мероприятие по сбору средств в местном баре. Ей нужны были деньги, чтобы поехать на предстоящую казнь человека, который изнасиловал и убил ее маленькую дочь двадцать два года назад. В этой истории запомнилась мне не только трагическая смерть ребенка, но и тяжелые обстоятельства жизни этой женщины и ее стремление найти справедливость два десятилетия спустя. В течение многих лет я хотел написать роман об этом, но я не знал, какой будет эта история. Затем однажды я пил кофе с другом, писателем Джоном Генри Дэвисом, и он предположил: «А что, если парень, которого казнят, возможно, не делал этого?» Так родилось «Ожерелье». После того, как я написал роман, я обнаружил нечто удивительное. В Айдахо есть женщина по имени Кэрол Додж, которая посвятила свою жизнь тому, чтобы доказать, что Кристофер Тапп, мужчина, заключенный в тюрьму за изнасилование и убийство ее дочери Энджи много лет назад, является невиновным. Благодаря неустанным усилиям Кэрол, Тапп, наконец, был освобожден, а настоящий убийца, Брайан

Ли Дриппс, посажен в тюрьму. А мы еще говорим о жизни, имитирующей искусство! «Ожерелье» – это не только история невероятно мужественной женщины, это история о жизни в предгорьях Адирондаков, где я провел много времени за последние тридцать пять лет, и десять из них – прожил. В это непростое время нового тысячелетия район переживает трудности: закрываются фабрики и заводы, а ресурсов туризма не хватает, чтобы покрыть расходы. И все же люди продолжают жить вместе, растить детей и работать во имя лучшего будущего. На русском языке публикуется впервые.

УДК 82-312.4

ББК 84(7Сое)6-445.7

ISBN 978-5-00-195161-2

© Уиттен М., 2021

© Манн, Иванов и Фербер, 2021

Содержание

Глава первая. Воскресенье, 7 апреля, двадцать лет назад	8
Глава вторая. Суббота, 27 ноября, наши дни	9
Глава третья. Воскресенье, 7 апреля, двадцать лет назад	14
Глава четвертая. Воскресенье, 28 ноября, наши дни	17
Глава пятая. Пятница, 12 апреля, двадцать лет назад	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Мэтт Уиттен

Ожерелье

Matt Witten
THE NECKLACE

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© 2021 by Matt Witten

This edition is published by arrangement with HG Literary and The Van Lear Agency LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер»,
2022

* * *

Посвящается Нэнси

Глава первая. Воскресенье, 7 апреля, двадцать лет назад

– Тебе что больше нравится, – спросила Эми, – фиолетовый дельфин или розовая утка?
– Самое классное, – отметила Сьюзен, глядя свою дочь по шелковистым волосам, – что мы можем себе позволить и то и другое.

Они стояли у прилавка в магазине для рукоделия и творчества «Ярмарка Соаве» в Гленс-Фолсе и выбирали бусинки, чтобы Эми могла сделать такое же ожерелье, как у ее подруги Кейт. Эти долгие, неторопливые прогулки воскресным днем после посещения церкви были у Сьюзен любимым временем.

– Они дорогие? – спросила Эми, широко распахнув свои большие карие глаза.

Сьюзен взбесило, что ее семилетняя дочь с ходу начала разговор про «дорогие».

– Что за вопрос! – ответила она. – Возьми столько, сколько душе угодно.

В итоге они купили сотню бусинок, и, когда вышли из магазина, Эми даже подпрыгнула от восторга:

– У нас одиннадцать разных животных и бусинки одиннадцати с половиной разных цветов! – воскликнула она.

Сама Сьюзен была тихой и застенчивой девушкой, она подумала: *откуда только у меня появился этот маленький сгусток энергии?* Не то чтобы она жаловалась, так...

Они направились в соседний магазинчик «Баскин Роббинс» за фирменным сливочным кофейным мороженым джамока с миндалем.

– А это дорого стоит? – спросила Эми.

Господи помилуй!

– Не переживай, – ответила Сьюзен.

Дэнни пытается продать дом уже второй месяц, и Эми явно чувствовала связанное с этим напряжение. Но удача обязательно повернется к нему лицом, так было всегда. Внутри теплилась надежда, что сегодня день открытых дверей по продаже недвижимости прошел удачно.

До конца уничтожив свои гигантские рожки с мороженым – девочка-подросток за прилавком, очарованная Эми, выдала им по двойной порции, – они загрузились в «Додж-Дарт», принадлежащий Сьюзен, и двинулись в сторону дома через подножие хребта Адирондак. Начался апрель, и на деревьях распускались почки.

– Мама, почему лягушки квакают? – спросила Эми.

– Так они находят себе подружек.

Эми захихикала.

– Не, ну правда.

– Я не шучу. Таким образом они говорят своим сородичам: я ищу любо-о-о-о-о-овь.

Последнее слово она тянула и тянула, чем привела Эми в полнейший восторг. До конца поездки они соревновались, кто из них протянет слово «любо-о-о-о-о-овь» подольше.

– Я люблю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю тебя, – произнесла Эми.

– Я люблю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю-ю тебя больше, чем луна лю-ю-ю-ю-ю-ю-бит звезды, – ответила Сьюзен.

Глава вторая. Суббота, 27 ноября, наши дни

С пивом в руке Сьюзен наблюдала за толпой, танцующей тустеп¹ на танцполе, и думала, как же странно, что этим вечером, который был посвящен такому жестокому убийству, все пьют и веселятся напропалую. Старые деревянные стены были украшены розовыми и фиолетовыми воздушными шариками, группа «Стоуни-Крик бойс» давала бесплатный концерт. С тех пор как кончился летний сезон, эта ночь для бара «Ворона» стала самой горячей.

Терри, лучшая подруга и коллега Сьюзен по закускойной, тронула ее за плечо:

– Хочешь потанцевать?

Сьюзен с ходу стала отказываться, но Терри наклонилась ближе и сказала:

– А Эми бы хотела, чтобы ты согласилась. Она любила танцевать.

Это была чистая правда. Эми начала танцевать под кантри, как только научилась ходить, ей бы понравилась эта вечеринка. Так что Сьюзен согласилась и вышла из-за своего столика.

Ее выход на танцпол не остался незамеченным. Три молодые женщины, стоявшие рядом – это были подружки детства Эми, – ободряюще улыбнулись ей, и все посетители стали расступаться, чтобы освободить проход. Сьюзен честно не могла вспомнить, когда танцевала в последний раз, ее тело, казалось, заостенело. Но она сказала себе, что вряд ли этой ночью кто-то ее осудит.

Музыканты прибавили громкость, Терри обняла Сьюзен, которая пыталась поймать ритм. Она посмотрела в сторону бара и увидела толпу. Все глядели на нее и хлопали в ладоши. Казалось, сюда пришли все, кого она знала в городке, и все они соединились с ней в танце.

Сьюзен на мгновение закрыла глаза и покачнулась, прислушиваясь к звуку гитары. *Я должна быть благодарна за этот праздник.* В конце концов, все происходящее было устроено для нее.

Она посмотрела на стену за стойкой бара. Там висела огромная фотография Эми двадцатилетней давности. Тогда ей было семь лет. Снимок сделан с выцветшего полароидного снимка, поэтому он немного размыт. Но широкая, беззубая улыбка и радостный настрой Эми были видны ярко и четко. Светло-каштановые волосы ниспадали на плечи, а на шее красовалось ожерелье из разноцветных бусин. Если подойти поближе, можно было разглядеть отдельные бусинки: фиолетовый дельфин, розовая утка...

Это была любимая фотография дочери. Сьюзен сделала ее незадолго до того, как Эми убили.

– А вот и Эван, – прошептала ей в ухо Терри.

Сьюзен увидела танцующего рядом с ней Эвана Малленса. Ему было пятьдесят семь, на два года старше нее, недавно разведен. В прошлом году он переехал в их городок, чтобы возглавить художественную школу «Народная школа Адирондака», и, похоже, Сьюзен ему нравилась. По крайней мере, раз в неделю он приходил к ним в закускую, флиртовал с ней, и Терри всегда говорила, что если Сьюзен хоть немного проявит к нему ответный интерес, то он тут же пригласит ее на свидание.

Выглядел он неплохо. Но Сьюзен отвыкла от подобных мыслей, как и от самих танцев. Так что она просто посмотрела на то, как Эван широко ей улыбнулся, на его красную рубашку в клетку, очень быстро улыбнулась в ответ и повернулась к нему спиной.

Сьюзен внезапно обнаружила, что стоит напротив своей матери, которая сидела за соседним столиком, пила пиво и качала головой в такт музыке. Ленора помахала ей рукой, затем наклонилась над своим кислородным баллоном и прокричала сквозь музыку:

– Классная вечеринка, не правда ли?

¹ Американский бытовой танец двудольного размера. Здесь и далее примечания переводчика.

Ага, классная вечеринка. Вопреки своему желанию, Сьюзен почувствовала, как внутри нее снова оживает липкая волна погребенного в ней гнева. В том, что случилось с Эми, виновата ее мать...

Нет, прекрати даже думать в этом направлении...

Грохот гитар и ударных ознаменовал конец песни, и все зааплодировали. Джонни, длинноволосый солист с грубым лицом, ответил на аплодисменты, сняв свою фиолетовую ковбойскую шляпу и отвесив низкий поклон. Он не был величайшим певцом в мире, но компенсировал это тем, что Ленора называла «энергетикой».

Он крикнул в толпу:

– Как у вас дела этим вечером?

Народ завопил и заорал что-то в ответ, а Джонни широко улыбнулся. Потом он поднял руки:

– Как вы все знаете, – произнес он со сцены, – сегодня мы собрались не просто на танцульки.

Толпа была не настроена разговаривать на серьезные темы, поэтому они добродушно освистали Джонни. Какой-то пьяный парень на танцполе крикнул:

– Заткнись и пой давай!

Джонни не обратил на это никакого внимания.

– Сегодня мы пришли сюда по особому случаю.

На этих словах все притихли. Пьяный пытался продолжить выразить свое недовольство, но кто-то толкнул его локтем в бок, и он остановился на полуслове.

– И поэтому, – продолжил Джонни, снимая микрофон со стойки, – я хотел бы пригласить на сцену Сьюзен Лентиго, маму Эми.

Сьюзен ненавидела выступать на публике, но после убийства дочери у нее накопилось достаточно опыта в этой сфере, поэтому она легко справилась с волнением. Подойдя к небольшому возвышению для музыкантов, она пригладила свои темно-каштановые волосы, поправила очки и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Сьюзен не любила наряжаться, не то что много лет тому назад, но была рада, что сегодня позволила маме уговорить ее надеть красивую желтую рубашку и немного накраситься. Толпа почтительно захлопала, когда она поднялась на две ступеньки и взяла микрофон из рук Джонни.

– Всем привет, – произнесла Сьюзен, но микрофон был слишком близко, поэтому вместо слов из динамиков раздался чудовищный визг. Она увидела, как ее мама поморщилась. Джонни шагнул к ней, чтобы помочь, но она знала, что делать. Сьюзен отодвинула от себя микрофон на несколько сантиметров и начала заново:

– Всем привет!

На этот раз все сработало.

Она посмотрела на людей в баре. Некоторые из них знали ее всю свою жизнь. Детство, замужество, трагедия. Многие из них помогали искать Эми в лесу.

Теперь они снова протягивали ей руку помощи. Каждое пиво, проданное в баре сегодня вечером, пойдет на оплату дороги в тюрьму в Северной Дакоте, куда она собиралась поехать на следующие выходные.

– Я хочу поблагодарить каждого из вас за то, что вы пришли сегодня вечером, – начала свою речь Сьюзен. Она посмотрела на пастора Мэри Парсонс, сидевшую за столиком с парой женщин лет шестидесяти, которые приносили Сьюзен запеканки каждую неделю в течение примерно года после того, как случилась трагедия. – Я хочу поблагодарить всех прихожан церкви...

Пастор Парсонс торжественно кивнула, и одна из женщин промокнула глаза бумажной салфеткой. Сьюзен отвела взгляд. Последнее, чего ей сейчас хотелось, – это сорваться. Ей нужно было закончить свою речь.

– А также всех прекрасных женщин, которые трудятся со мной в закускойной...

С танцпола раздался голос Терри:

– Мы любим тебя, Сьюзен!

Терри помогала сидеть с Эми, она была подростком, когда случилось непоправимое. Сьюзен улыбнулась и продолжила:

– А также моих потрясающих соседей...

Том и Стейси, которые жили в трейлере выше по улице и помогали заготавливать для Сьюзен дрова, подняли в ее сторону вверх большие пальцы со своего дальнего столика. Теперь она посмотрела на свою мать. Она знала, что ее мама мучилась из-за своей вины в случившемся и не заслуживала того гнева, который Сьюзен иногда испытывала по отношению к ней.

– ...И мою маму Ленору.

Леноре нравилось внимание публики гораздо больше, чем Сьюзен, к тому же она немного выпила. Ее лицо вспыхнуло, и она помахала всем рукой.

– Но больше всего, – сказала Сьюзен, – я хотела бы поблагодарить лучших друзей Эми – Шерри, Кейт и Сэнди, за то, что они приносили радость в жизнь Эми, когда она была жива, и никогда не забывали ее.

Три молодые женщины все еще стояли вместе на танцполе, взявшись за руки. Сейчас им было под тридцать, у всех были работа, мужья и дети.

У них была жизнь.

У них было все то, чего никогда не будет у Эми.

Перед глазами у Сьюзен все еще была жива картина, как перед смертью Эми летним вечером они вчетвером репетировали танцы под песни Гарта Брукса на ее крыльце. Видеть их здесь и сейчас было одновременно и сладко, и мучительно. Очевидно, они почувствовали то же самое, потому что все трое заплакали.

Сьюзен отвернулась от них и посмотрела на большую фотографию своей дочери за стойкой бара.

– Я верю, что Эми сегодня здесь, с нами, – произнесла она.

На фото у Эми не хватало одного из верхних передних зубов. В ту самую ночь, когда ее похитили, зубная фея положила два доллара ей под подушку.

Сьюзен снова повернулась к толпе:

– Прошло двадцать долгих лет. Но теперь, всего через семь дней, в следующую субботу в половине шестого вечера, справедливость наконец восторжествует. Благодаря вам, ребята, и вашей безграничной щедрости я буду там, в Северной Дакоте, когда это гребаное Чудовище, – голос Сьюзен наполнился яростью, – которое изнасиловало и убило мою дочь, будет отправлено туда, куда оно заслуживает, прямоком в ад, и моя Эми наконец сможет покоиться с миром.

Сьюзен на мгновение задумалась, поняла, что ей больше нечего сказать, поблагодарила всех еще раз, вернула микрофон Джонни, сошла со сцены и направилась обратно к своему столику.

Адреналин от выступления перед толпой все еще кипел внутри нее. Она не чувствовала, как ее ноги ступают по холодному темному деревянному полу.

Она прошла мимо Шерри, Кейт и Сэнди, и все они по очереди обняли ее. Послышались тихие и неуверенные аплодисменты, но вскоре ей аплодировал уже весь бар. Те, кто сидел, встали. Несколько человек протянули руки, чтобы дать пять, что показалось ей странным, но она подошла к ним и ответила на их жест. Пьяный парень на танцполе дал ей пять с таким энтузиазмом, что споткнулся и упал.

Джонни отложил микрофон, чтобы поддержать аплодисменты. Затем он поднял его обратно и сказал:

– Сьюзен, просто убедись, что у тебя будет включен фотоаппарат, потому что мы все хотим увидеть, как поджарится этот больной ублюдок.

Какая-то женщина крикнула: «Да, черт возьми!», и все опять заплодировали. Джонни продолжил:

– Сегодня вечером нас здесь около сотни, и мы все купили много пива...

– Точняк! – донесся крик пьяного парня с танцпола.

– А это значит, что мы собрали достаточно денег для поездки Сьюзен. Но до Северной Дакоты далеко, и так получилось, что я в курсе, что ее старому «Додж-Дарту» потребуется новый комплект шин. А еще расходы на отели и все такое.

Он снял свою большую ковбойскую шляпу:

– И пусть для нас всех настали трудные времена, давайте посмотрим, что еще мы можем сделать для этой храброй девчонки.

Он положил двадцатидолларовую купюру в шляпу и передал ее рядом стоящему мужчине. Когда шляпа пошла по кругу и начала наполняться деньгами, группа заиграла медленную балладу, которую Джонни написал на прошлой неделе специально для этого случая. «Любовь всей моей жизни, буря моих слез, – пел он. – Вся печаль моя этих долгих лет...»

Наконец Сьюзен позволила себе заплакать. Она смотрела сквозь слезы на всех этих людей, которые позаботились о ней, которые собрались здесь, чтобы помочь ей. У нее и ее мамы было меньше ста долларов на счету, но теперь она сможет поехать на казнь. Она столько лет ждала этого дня, что почти забыла, какой была жизнь до того, как это случилось.

Она потеряла не только дочь, но и мужа, свою вторую половинку, единственного мужчину, которого когда-либо любила.

Иногда пастор Парсонс говорила с ней о прощении. Но ей было глубоко наплевать на прощение.

Может быть, если бы Чудовище – она никогда не называла его настоящим именем, велика честь – когда-нибудь действительно попросил прощения, если бы он когда-нибудь перестал лгать и утверждать, что не убивал Эми, тогда, возможно, она могла бы почувствовать к нему что-то еще, кроме чистого, раскаленного гнева.

Ее руки сжались в кулаки. Чудовище был там, когда Эми испустила свой последний вздох. Теперь, когда придет его время, рядом с ним будет Сьюзен. Она поднесет свое лицо поближе к окошку, чтобы последнее, что он видел в этой жизни, была она, которая смотрит, как он умирает.

Когда Сьюзен снова села на свое место, подошла Ленора, одной рукой толкая кислородный баллон, а в другой держа пиво.

– Хорошая речь, – произнесла она. – Еще пива?

Боже, ее мама, как всегда, была некстати. Хотя, если подумать, Сьюзен была не против еще одного пива.

– Спасибо, – ответила она.

Сделав большой глоток, Сьюзен задумалась, как будет чувствовать себя в следующую субботу вечером, после того как Чудовище получит по заслугам. Сможет ли она наконец забыть о том, что произошло, и «двигаться дальше», как всегда говорила ей мама?

Она знала, что мама была права. Ей было всего тридцать пять, когда это случилось. Она могла бы снова выйти замуж, даже завести новую семью. Конечно, у нее больше не могло быть собственных детей, но она могла бы усыновить приемных. Видит бог, в Лейк-Люцерне было полно разведенных мужчин, которые все это время оказывали ей знаки внимания. Эван был далеко не первым.

Но она ничего не могла с собой поделать. Иногда ей казалось, будто что-то выкачивает из нее воздух, как будто она курила сигареты одну за другой. Может быть, ее душили горе и чувство вины. Но почему-то даже двадцать лет спустя ей казалось, что та история не закончена. В глубине души было ощущение, будто что-то ускользнуло, осталось скрытым, что в убийстве

ее дочери было что-то, что она пропустила, и если бы она заметила это вовремя, то смогла бы предотвратить случившееся.

Но что она упустила? Что могла бы сделать?

Психиатр в больнице Олбани сказал ей, что это обычное явление: после внезапной трагедии люди чувствуют себя виноватыми в ней, пытаясь придумать какой-то сценарий, в котором это была не просто случайность, а что-то такое, что они сами вызвали своими поступками и поведением. Для некоторых людей было лучше чувствовать себя виноватыми, чем чувствовать, что они не контролируют то, что происходит в их жизни.

Но эти слова врача ни на что не повлияли. Почти каждую ночь она снова и снова прокручивала случившееся у себя в голове.

Пока Сьюзен допивала свое пиво, она погрузилась в воспоминания о последних моментах жизни своей дочери на этой земле.

Глава третья. Воскресенье, 7 апреля, двадцать лет назад

Сьюзен и Эми вернулись домой из своего похода за бусинами и мороженым чуть позже пяти. Дэнни уже поджидал их у телевизора, смотрел «Селтикс».

Увидев их, он поднялся и сказал:

– Привет, девчонки!

Сьюзен сразу поняла, что показ дома удался. Он уже снял спортивную куртку, но на нем все еще была светло-голубая рубашка с открытым воротом. Он улыбнулся ей своей фирменной улыбкой, и впервые за долгое время она вспомнила, каким же сексуальным мужчиной он был. С Дэнни они начали встречаться с его выпускного класса средней школы – в то время он был звездой американского футбола, игравшим сразу на двух позициях, а она была на втором курсе. На их первом свидании они пошли купаться на Четвертое озеро, и она все еще помнила, как у нее перехватило дыхание, когда он снял футболку. Он и теперь оставался в форме, упорно тренируясь в спортзале.

На ее взгляд, они были очень даже симпатичной парой. Она нахаживала несколько километров в день даже зимой. Сочетая эти упражнения и работу официанткой в закусочной, ей удалось вернуться к своему весу до рождения ребенка. У нее был талант находить красивую одежду в церковном благотворительном магазине, и она периодически позволяла себе одну роскошь: окрашивание волос у очаровательных дам в салоне «Деревенские девчонки».

Эми подбежала к Дэнни, подпрыгивая на месте:

– Папочка, мы выбрали лучшие бусины. Продавщица в магазине сказала, что у них их сто тысяч штук!

– Ух ты, – воскликнул Дэнни, подхватывая Эми на руки и обнимая ее. – Это много!

Эми вывернулась из рук Дэнни и принялась раскладывать бусины на столе в гостиной. Сьюзен поцеловала его в знак приветствия:

– Как все прошло?

Дэнни поднял кулак.

– Пришло четырнадцать человек, в том числе трое от кузена. Спорю, что к завтрашнему утру мы получим по крайней мере одно предложение о покупке.

– Это потрясающе! Как насчет того, чтобы отпраздновать такое событие? Я приготовлю цыпленка.

– Хочешь посмотреть на мою розовую утку, папочка? – спросила Эми.

Эми показывала папе бусинки, пока Сьюзен готовила ужин. Она запекала куриные бедра с лимоном и чесноком чуть больше часа, как раз так, как любил Дэнни. В ночь перед ее свадьбой Ленора сказала ей: «Мужчины – простейшие существа. Просто накорми его, и он уже счастлив». Это был лучший совет, который когда-либо давала ей мама.

В их браке были тяжелые моменты, и они все пережили вместе. В возрасте двадцати с небольшим лет у Сьюзен случились два выкидыша. Когда родилась Эми, ее маленькое чудо, Сьюзен сказали, что у нее проблемы с шейкой матки и она никогда больше не сможет иметь детей.

Брак выстоял и проблемы с бесплодием, и неопределенность в карьере Дэнни. У него бывали дни, когда он впадал в депрессию из-за работы и чувствовал, что ему следовало поступить на юридический, а не довольствоваться ролью агента по недвижимости. Тогда он сердился на Сьюзен. Но она всегда знала, что в такие моменты он быстро успокаивается и берет себя в руки.

Дэнни все время был с ней, поддерживал ее в те ужасные месяцы после потери детей. Таскал ей килограммами сливочное кофейное мороженое джамока с миндалем, катал на снегоходе, чтобы отвлечь от всех мыслей. Порой он врубал большую скорость, но, вероятно, тогда ей были просто необходимы такие сильные эмоции и впечатления.

– Ужин готов! – позвала Сьюзен.

Дэнни и Эми обгоняли друг друга, чтобы посмотреть, кто плюхнет за стол первым. Пока все поглощали добавку курочки с картошкой, Эми рассказывала родителям длинную и запутанную историю о совенке, который любил есть змей, но только если эти змеи были злыми. Сьюзен поймала взгляд Дэнни, и они улыбнулись.

После ужина, пока Сьюзен мыла посуду, Дэнни и Эми играли с куклами, а затем боролись друг с другом на полу гостиной.

– Я сейчас схвачу тебя! – прорычал Дэнни, и Эми понарошку взвизгнула от страха.

Сьюзен нравилось, что ее муж и дочь были так близки. «Хотела бы я, чтобы у меня было так же с моим папой», – думала она. Отец Сьюзен работал на бумажной фабрике, каждый день приходил вымотанный, сразу шел на диван в гостиной, где выпивал несколько кружек пива и смотрел игру по телевизору. Он умер от сердечного приступа, когда Сьюзен было всего десять лет.

На этом с фигурой отца было покончено. Ее мама пошла работать секретарем в приемную к стоматологу и начала «сеять свой безумный плевел», как она выражалась относительно своих беспорядочных встреч с разными парнями, женатыми и холостяками. Сьюзен понимала, что мама имеет право на личную жизнь, но чувствовала, что Ленора поступала глупо, особенно когда была пьяной. По этой причине сама Сьюзен пила мало.

Соскребая куриный жир с противня, она закусила губу и подумала о том, что произошло две ночи назад. Ленора осталась с Эми, и они пошли поесть мороженого с ее очередным кавалером. Вернувшись домой, Эми окрестила бабушкиного поклонника «тупоголовым».

– Он все звал меня красоткой, – пожаловалась Эми. – «Привет, красотка!» – говорил он. А потом гладил меня по волосам. Фу!

Сьюзен нужно было обсудить эту ситуацию со своей мамой. Эми не должна была проводить время с кавалерами Леноры, особенно с теми, кто доставлял ей дискомфорт. Сьюзен откладывала этот разговор с вечера четверга, но ей следовало покончить с этим. «Я позвоню маме прямо сейчас», – подумала она.

Но когда закончила мыть посуду, Дэнни все еще был в своем кабинете за закрытой дверью, отправляя электронные письма потенциальным клиентам и работая со списками недвижимости. Из-за интернета телефонная линия не работала, и Сьюзен тем вечером так и не смогла позвонить своей матери.

С другой стороны, вроде все было нормально, все эти компьютерные штучки были важной частью бизнеса Дэнни. Кроме того, воскресный вечер не совсем подходящее время для разговора с Ленорой. Обычно в конце недели она была не в лучшей форме. Разумнее было подождать с разговором до завтра.

Поэтому Сьюзен с Эми провели время за кухонным столом, собирая бусины в ожерелье. Для украшения того размера, который хотела Эми, им понадобилось пятьдесят бусинок, поэтому они потратили много времени, выбирая, какие именно им подойдут.

– Дельфин и утка должны быть рядом друг с другом, потому что они собираются пожениться, – заявила Эми.

– Логично, – ответила Сьюзен. – А как насчет синего единорога?

– Ну, по обе стороны у него должны быть желтые бусинки. Или красные? Как ты думаешь, мамочка? – Эми нахмурила брови, как будто от ответа на этот вопрос зависела судьба всего мира.

Сьюзен улыбнулась и погладила Эми по волосам. Как же ей повезло, что она смогла подарить миру такое прекрасное создание! Когда они закончили собирать ожерелье, на городок опустилась ночь.

Глава четвертая. Воскресенье, 28 ноября, наши дни

Вечеринка в «Вороне» закончилась за полночь. Сьюзен стояла на улице, на холодном адирондакском ветру, благодарила и обнимала каждого, ощущая тепло.

А потом пришло время возвращаться домой. Сьюзен уже села в свой старенький «Додж-Дарт» вместе с мамой, когда подошла попрощаться Терри.

– Повеселись там! – крикнула она через окно. – Убей его наповал!

Сьюзен поняла, что это был такой намек на казнь, и покачала головой, улыбнувшись.

Пять минут спустя они подъехали к дому. Это был уютный трехкомнатный домишко неподалеку от той улицы, на которой Сьюзен жила много лет назад с мужем и дочкой. Ленора покатила свой кислородный баллон по дорожке к дому, в то время как Сьюзен несла большой пластиковый мешок для мусора, наполненный собранными за сегодняшний вечер наличными.

– Выглядит тяжело, – прокомментировала Ленора, – как ты думаешь, сколько там?

– Много, – ответила Сьюзен. Она споткнулась на ступеньках крыльца, чувствуя себя выжатой как лимон. Но вечер определенно удался: они собрали гораздо больше денег, чем она ожидала.

Сьюзен отперла дверь, и они вошли. Когда женщины проходили через гостиную, устланную ворсистым ковром, Ленора сказала:

– К черту казнь. Тебе следует поехать во Флориду и оттянуться на пляже.

Только не это. Вот уже несколько месяцев Ленора пыталась отговорить ее от участия в казни. Но она понимала, что мать не имеет в виду ничего плохого, она просто волновалась за Сьюзен. Если та снова увидит Чудовище, то вскрыются старые раны. Поэтому она проглотила свое раздражение и ответила:

– Не знаю насчет Флориды, но, может быть, по дороге я заеду на Ниагарский водопад.

Она не была уверена, всерьез ли говорит об этом, но Ленора ухватилась за слова:

– Обязательно поезжай! И еще посети гору Рашмор. Спорю, это нечто!

Они вошли в кухню, Сьюзен развязала мешок для мусора. Чтобы освободить место для денег, Ленора убрала со стола кофейник и салфетницу в форме уток. Единственное, что всегда объединяло их с мамой, – это память о любви Эми к уткам. Всякий раз, когда Сьюзен или Ленора находили уточку на распродажах и блошиных рынках, они хватали ее и несли в дом.

Сьюзен выложила купюры на стол и ошеломленно уставилась на них. Она никогда в жизни не видела столько денег, даже в субботу вечером в закускойной на День независимости.

Ленора подняла две толстые пригоршни банкнот и поднесла их к носу:

– Боже, как хорошо пахнут эти деньги. Я хочу их съесть.

Сьюзен подняла с пола пару случайных купюр.

– Мы должны разложить их по стопкам.

Они начали складывать деньги по достоинству: один доллар, пятерка, десятка, иногда даже двадцатка. В углу у плиты их старый серый кот Румпель сидел и облизывал лапы.

– Знаешь, с такой кучей наличных, – сказала Ленора, и Сьюзен приготовилась снова разозлиться, потому что точно знала, что за этим последует, – ты могла бы взять билет на самолет.

Ленора была одержима страхом, что Сьюзен попадет в аварию по дороге в Северную Дакоту. Окей, но, несмотря на то что она никогда раньше так далеко не ездила за рулем одна, ее дочь достаточно опытный и внимательный водитель. Ленора должна была расслабиться!

Сьюзен была почти уверена, что понимает, почему Ленора так чрезмерно опекает ее. Мать все еще пыталась загладить вину перед дочерью за то, что должным образом не смогла защитить свою внучку Эми.

– Полет туда-обратно обойдется мне в восемьсот сорок долларов, – произнесла Сьюзен настолько спокойно, насколько смогла.

Ленора показала на стопки наличных:

– У тебя здесь больше.

– Да, но мне нужны деньги на гостиницу в Северной Дакоте – это девяносто долларов за ночь, плюс деньги на еду. Плюс я оставляю тебе пятьдесят долларов, чтобы ты продержалась неделю.

– Ничего мне не надо. Я прекрасно справлюсь сама.

Сьюзен промолчала. Они обе знали, что Леноре через пару дней придется снова отправиться за продуктами, которые обойдутся, если уж на то пошло, больше чем в пятьдесят долларов.

– А ты не можешь оплатить билет картой?

Либо у мамы проблемы с памятью, либо она намеренно испытывает ее терпение. Сьюзен стиснула зубы:

– У меня на счету по нулям, я же тебе говорила.

Она взяла с подоконника резинки и обмотала ими стопки по доллару и пятеркам. Стопки десяток и двадцаток были поменьше, поэтому она зажала их скрепками.

– Мне не нравится, что ты едешь так далеко на север. А если начнется снегопад?

– А не ты ли говорила, что в жизни всегда есть место приключениям?

– Да, но не до такой же степени. Я не хочу, чтобы ты катилась по шоссе, как по катку. И твоей ноге явно не понравится дорога длиной в две тысячи километров.

А вот теперь все, хватит. Сьюзен села и пристально посмотрела на мать.

– Мам, я двадцать лет ждала того дня, когда умрет этот человек. И если мне помешают мои ноги, то я отрежу их к чертям собачьим и продолжу свой путь.

Ленора взглянула в ответ и покачала головой.

– Тебе определенно надо снова выйти замуж, – сказала она.

Сьюзен закатила глаза:

– Окей, мам.

– И не закатывай мне тут свои огромные карие глаза, ты все еще очень привлекательная женщина. И это неправильно, что ты прячешь себя ото всех.

– Я же сказала: окей.

Но Ленора была не намерена сдаваться просто так.

– А как тебе этот парень Эван? Он красавчик, тебе так не кажется?

– Да пофиг, – ответила Сьюзен и сразу поняла, что говорит как подросток. Она встала из-за стола и порылась в ящиках в поисках скрепок.

Может быть, идея о том, чтобы жить вместе с Ленорой, была и не такая удачная, как показалось сначала? Но она переживала, что мать живет одна, да и денег на то, чтобы содержать два дома, все равно бы не хватало.

– Я бы могла тебя подстричь, надо убрать немного седины, – сказала Ленора.

Сьюзен должна была отдать должное своей маме: та никогда не сдавалась. Она скрепила двадцатки и засунула их глубоко во внутренние карманы своего поношенного шерстяного пальто вместе с другими купюрами. Затем она встала из-за стола:

– Завтра тяжелый день, мне пора спать. Да и тебе тоже.

– Нет. Мне нужно закончить твой шарф.

Ленора достала свое вязанье. Это был яркий шарф цвета морской волны для Сьюзен, чтобы та надела его, когда поедет на север.

– Хорошо, спокойной ночи, мама.

– Спокойной ночи, крошка.

Сьюзен отправилась спать в ту же постель, которую когда-то делила с Дэнни. Ее мама жила в старом кабинете Дэнни, потому что в спальне Эми все еще было полно ее вещей. На подушке девочки обнялись два кролика, совсем как в то утро, когда ее похитили. Сьюзен дала себе обещание, что не тронет ничего в комнате дочери до тех пор, пока ее убийца не будет мертв. Ленора считала это глупостью, но Сьюзен стояла на своем.

На следующее утро она проснулась в половине шестого и никак не могла снова заснуть. Сьюзен сварила кофе и решила, что двинется в путь пораньше.

В рассветной тишине она оглядела дом, из которого ей скоро предстоит начать свое путешествие. Доставая молоко для кофе, не сводила глаз с дверцы холодильника. Она была увешана фотографиями Сьюзен, Леноры и Эми разных лет: вот они катаются на санках у водопада Баттермилк, вот плавают в озере, вот держат в руках две маленькие тыквы, которые вырастили на заднем дворе. На уровне глаз висело фото Сьюзен и Эми в ночь на Хеллоуин, в одинаковых костюмах принцесс.

Чуть ниже на холодильнике находились фотографии с Дэнни. Сьюзен всегда было немного грустно, когда она смотрела на них, но одновременно она не могла не улыбаться: вот они вместе ловят рыбу на покрытом льдом озере Джордж – рыбачить было не совсем ее, но тогда ей очень понравилось; вот они в медовый месяц, который провели на островке в городе Бар-Харбор, штат Мэн. А вот ее любимая фотография – на ней Дэнни был запечатлен в больнице сразу же после рождения Эми. Сьюзен держала ее на руках, а он целовал крошечные пальчики малышки...

– Доброе утро, дорогая! – Сьюзен смотрела, как ее мама вошла в комнату, гордо держа в руках только что связанный шарф. – Вот, закончила вовремя, для тебя.

Два часа спустя, когда Сьюзен была полностью собрана и готова к отъезду, Ленора обернула шарф вокруг шеи дочери. Сьюзен посмотрела на себя в зеркало в гостиной. На ней были старое серое пальто, темно-синий свитер, выцветшие джинсы и ботинки восьмилетней давности. Но яркий шарф цвета морской волны придавал ей более жизнерадостный вид.

Все это заставило ее почувствовать себя так, словно она отправляется навстречу большому приключению.

Хотя было бы странно относиться к поездке на казнь как к приключению.

Она смотрела, как тонкие, покрытые венами материнские руки поправляют шарф, и напомнила себе, как сильно мама любила ее. Ленора не была идеальной, и Господь знает, какую ошибку она совершила. Но она была хорошей матерью.

– Спасибо, мама. Он великолепен!

Лицо Леноры просияло. Затем она сказала:

– В дорогу я собрала тебе пакетик арахиса и шоколадные чипсы. И еще те сухие сладкие ягоды клюквы, которые ты любишь.

Сьюзен пожалела, что ее мама не сэкономила эти деньги, чтобы купить себе продукты на неделю, но тем не менее просто сказала:

– Спасибо, мама.

– Я положила все в твою сумочку. Кроме того, я приготовила тебе это...

Ленора подошла к холодильнику и взяла откуда-то с верхней полки маленькую бутылочку с распылителем. Баллончик был наполнен красной жидкостью. Она протянула его Сьюзен.

– Что это такое? – спросила та, поднеся бутылочку поближе к лицу.

– Аккуратнее, это перцовый баллончик!

Сьюзен быстро отодвинула бутылку на расстояние вытянутой руки от себя. Боже, ее мама окончательно съехала с катушек.

– Ты серьезно?

Ленора кивнула.

– Забористая штука. Красный перец и медицинский спирт.

Сьюзен недоверчиво подняла брови, глядя на маму. Ленора сделала обиженное лицо:
– Эй, там полно чокнутых болванов.

Сьюзен решила не спорить. В конце концов, что, если она действительно попадет в автомобильную аварию и это последний раз, когда она видит свою маму? Или что, если у Леноры случится инсульт, пока дочери не будет дома? Сьюзен слишком хорошо научилась тому, что все может случиться внезапно и все может быть в последний раз.

– Спасибо, – поблагодарила она и положила самодельный перцовый баллончик в сумку.

Затем она покатила чемодан с наполовину сломанной молнией по грязному гравию к своей машине и положила его в багажник. Сьюзен не могла поверить, что наконец-то отправляется в это путешествие. Пока ее мама выкатывала свой кислородный баллон на улицу и наблюдала за действиями дочери, Сьюзен положила сумочку на переднее сиденье.

Теперь она была готова тронуться в путь.

На самом деле, она уже была в пути.

– Вернусь к следующей среде. Таблеток у тебя на две недели вперед, – сказала она маме.

– Ты позвонила Дэнни? – в свою очередь произнесла та.

Сьюзен уже собиралась захлопнуть дверцу багажника, но остановилась и посмотрела на маму. У нее возникло ощущение, что Ленора уже несколько дней хотела задать этот вопрос, но боялась расстроить ее лишним раз.

Пытаясь скрыть свое смущение, Ленора с воинственным видом выпятила вперед подбородок:

– Так позвонила?

Сьюзен пожала плечами:

– А зачем? – Она не хотела, чтобы ее мама знала, как много она думала о Дэнни в последнее время. С тех пор как Верховный суд отклонил последнее прошение Чудовища о помиловании и вопрос казни был решен окончательно.

– Вообще-то, Эми была и его дочерью. Не его вина, что вы расстались.

– Я так никогда и не говорила.

– Может быть, он и не был идеальным, но он был хорошим человеком. Вам, ребята, сдали дерьмовые карты...

Забавно, всего минуту назад Сьюзен думала примерно то же самое о Леноре: вроде не идеальный человек, но совсем не заслуживает того невезения, которое выпало на ее долю. Голова Сьюзен внезапно отяжелела, хотя было еще утро. Она не хотела думать о Дэнни прямо сейчас и захлопнула багажник:

– Мне нужно выдвигаться.

Она подошла к маме и слегка нахмурилась, глядя на ее сутулую фигуру и думая о том, какой же хрупкой она вдруг стала. Но потом Сьюзен улыбнулась.

– Чего ты смеешься, – Ленора была готова к нападению.

– Ничего. – На самом деле она думала о том, что, какой бы мама ни казалась слабой и хрупкой, она бы не удивилась, если бы Ленора в ее отсутствие привела домой какого-нибудь красавчика. – Я попросила Терри заглянуть к тебе.

Она наклонилась и поцеловала Ленору. Мама крепко обняла ее на прощание:

– Дорогая, как только почувствуешь усталость, лучше остановись, отдохни.

– Обязательно, мам, обещаю тебе.

Она села в машину, глубоко вздохнула, завелась и уехала, окутанная клубами черного дыма. Сьюзен увидела в зеркале заднего вида, как мама машет на прощание, и помахала ей в ответ.

Через полквартила от дома, на углу шоссе 9N, она проехала мимо того места, где раньше был мотель «Гостевой двор». Она была благодарна Богу, что старый приют для мелких мошенников и непонятных иногородних прекратил свое существование раз и навсегда. Теперь это

была группа небольших заброшенных зданий с заколоченными окнами и вывеской «Продается», которая стояла перед входом в течение последних пяти лет.

Сьюзен повернула налево на шоссе 9N и поехала дальше. Утреннее небо было темно-серым, и деревья уже стояли голыми и пустыми. По дороге она пыталась вспомнить, когда в последний раз уезжала из городка на целых полторы недели. Боже, неужели это было во время ее медового месяца?

Мысли об этом навевали уныние. Может быть, ей действительно на этой неделе махнуть на Ниагарский водопад и к горе Рашмор?

Она свернула на Милл-стрит и проехала мимо крошечной библиотеки, где они с Эми обычно читали книги об Амелии Беделии². За окном машины показался старый боулинг, где они с Дэнни впервые поцеловались. Все началось с поцелуйчика в щеку, которым он поздравил ее с удачным страйком, но к тому времени, когда закончилась игра, они поняли, что теперь попали на всю оставшуюся жизнь.

Затем она проехала мимо пресвитерианской церкви, где каждую неделю пела в хоре и пыталась поверить в Бога. По крайней мере, ей нравилось заниматься музыкой. Заехав в центр, она оказалась рядом с городским агентством недвижимости, где раньше работал Дэнни. Затем она заехала на заправку и ремонт автомобилей «Розелл».

Поприветствовать ее вышел сам Кларенс Розелл. Ему было под сорок, длинная борода и задумчивые глаза. Много лет назад Дэнни сказал ей, что Кларенс был великим шахматистом, выигрывал турниры в Олбани и даже в Нью-Йорке. Она удивлялась, почему он застрял в своей автомастерской и не интересовался ничем больше в жизни.

Может быть, он был такой же, как и она? Просто человек, который не может покинуть свой дом?

– Готова к путешествию? – спросил он, вытирая руки тряпкой, которую принес с собой.

Она кивнула:

– Я почти уверена, что мне не помешали бы новые шины и замена масла.

Кларенс посмотрел на шины.

– Да, эти две совсем устали, – он обошел машину с другой стороны, – а эти две почти совсем лысые. Должно быть, это из-за той разбалансировки, о которой мы говорили.

– Да уж... – Ее «Додж-Дарт» нуждался в помощи последние восемьдесят тысяч километров, но для ремонта бы понадобилось триста долларов только на запчасти, не считая работы мастера. – Что ж, давай приведем тебя в порядок.

Она села в приемной и начала читать о голливудских звездах в американском журнале «Мы» двухмесячной давности. Она всегда считала, что журнал должен называться «Они», а не «Мы», потому что у нее лично, черт возьми, не было ничего общего с этими людьми.

Примерно через полчаса Кларенс вернулся.

– Все готово, – сказал он.

Она сунула руку в карман пальто и достала пачку двадцаток, зажатую скрепками:

– Сколько я тебе должна?

– Нисколько.

Она недоверчиво посмотрела на него:

– Я серьезно.

– Правда, нисколько. Я помню твою дочурку. Она была милым ребенком.

На глаза Сьюзен навернулись слезы:

– Спасибо.

– Не переживай. Наверное, там ты встретишься с Дэнни?

² Серия детских книг (1963–1988) американской писательницы Пегги Пэриш (1927–1988) о домработнице Амелии, которая все инструкции воспринимала буквально.

– Я не в курсе. – Она правда не знала, приедет ли на казнь ее бывший муж.

Но в глубине души надеялась, что так и случится. Чем бы ни была эта волшебная вещь, называемая в психологии «завершенность», она боялась, что не почувствует ее, если Дэнни не будет рядом. Они вместе пережили эту ужасную потерю, и им нужно было пережить вместе и завершение этого ада. Прошло девятнадцать лет с тех пор, как она видела его в последний раз, но, может быть, в эти выходные они снова воссоединятся, хотя бы в качестве друзей.

– Ну, если ты все-таки увидишь Дэнни, передай ему от меня привет. Да благословит вас обоих Господь.

– Спасибо, Кларенс.

Сьюзен вернулась на шоссе 9N и выехала из города. Впереди еще две с половиной тысячи километров, подумала она.

За окном остался бар «Ворона». Вывеску «Ночь в память Эми Лентиго» наполовину оторвало, и теперь она развевалась на ветру. Спустя пять километров она оказалась в Коринфе. В центре городка зашла в закусочную «У Молли». Внутри всколыхнулись воспоминания. Именно здесь началась та история...

Глава пятая. Пятница, 12 апреля, двадцать лет назад

Сьюзен была на кухне и собиралась отвезти Эми в школу, когда из закуской позвонила Молли.

– Так хорошо, что я застала тебя дома! – воскликнула она. Ей было за шестьдесят. Молли открыла закускую тридцать лет назад, во время расцвета бумажной фабрики. Каким-то чудом с тех пор она оставалась на плаву, несмотря на все взлеты и в основном падения экономики. Сьюзен чертовски уважала ее.

– Привет, Молли, я уже в дверях.

– Есть ли шанс, что ты сможешь помочь сегодня в закуской? Нэнси и Эйлин дома валяются с простудой, я в отчаянии.

Сьюзен быстро все подсчитала. Она любила проводить вечера пятницы дома с Эми, играя в «Монополию» или за просмотром кино. С другой стороны, вечером в выходные в закуской было людно, и можно было бы сразу воспользоваться щедрыми чаевыми, потому что те три «верных» варианта со дня показа недвижимости не сработали.

А для Дэнни было очень важно прийти домой и получить свой законный ужин, тем более в конце рабочей недели. Но он говорил о том, что собирается работать до семи или восьми вечера, поскольку ему было нужно подготовить к показу объект на Скофилд-роуд. Когда Дэнни возвращался домой так поздно, то все, что ему было надо, – это чипсы, сыр и пиво перед телевизором, где показывали баскетбол. Так что его абсолютно не напряжет, если она поработает сегодня вечером.

Еще надо было решить вопрос с Эми: найти кого-нибудь, кто присмотрит за ней. Поэтому она сказала Молли, что перезвонит чуть позже и сообщит о своем решении.

Эми в нетерпении топала ножкой и ныла:

– Мама, мы опоздаем в школу.

– Как ты смотришь на то, чтобы потусить сегодня с бабушкой после школы?

Личико Эми в мгновение просветлело, и она захлопала в ладоши:

– Мы сможем сделать браслетики!

– Я уверена, бабушка будет в восторге, – ответила Сьюзен и набрала своей маме. Они не разговаривали уже три дня, с тех самых пор, как она попросила Ленору держать своего нового кавалера – его звали Фрэнк – подальше от Эми. Сьюзен надеялась, что Ленора больше не злит и с ней можно будет нормально поговорить.

Ее мама жила неподалеку, в трейлере на шоссе 9N. Она подняла трубку после второго гудка.

– Это кто? – прорычала она голосом, который бывал у нее обычно по утрам.

– Привет, мам, надеюсь, я тебя не разбудила?

Пару мгновений в трубке висела тишина, и потом Ленора наконец ответила:

– Ты на пять минут опередила мой будильник. Что случилось? Все в порядке?

Сьюзен выдохнула: мать не держала на нее ни зла, ни обиды.

– Я звоню узнать, могла бы ты посидеть сегодня с Эми.

– Конечно, не вопрос. Ты хочешь, чтобы я забрала ее после школы?

– Это было бы чудесно. Спасибо, мам.

– И не переживай, Фрэнка там не будет. Несмотря на то что ты совершенно ошибаешься на его счет.

– Я тебя люблю, мам.

Как только она повесила трубку, в комнату вошел Дэнни. От него пахло лосьоном после бритья, который Эми и Сьюзен подарили ему на день рождения. Она повернулась к мужу:

– Молли звонила. Я сегодня поработаю в закуской, хорошо? А мама заберет Эми.

Дэнни кивнул с отстраненным видом и принялся заваривать себе кофе, как любил. Он пребывал в подавленном настроении из-за того, что дела в сфере недвижимости шли не так успешно, как ему бы хотелось. Сьюзен решила немного приободрить его:

– Приходи вечером к Молли. Она накормит тебя бесплатным ужином, и еще там будет одна хорошенькая официантка Сьюзен, которая будет не прочь пофлиртовать с тобой.

До того как Дэнни ответил, Эми дернула ее за руку:

– Mamочка, я правда сильно опаздываю...

Дэнни впервые за утро оживился:

– Этой ночью у тебя была зубная фея? – спросил он у дочери.

– Да! Она оставила целых два доллара!

– Ого! Да ты у нее любимица! Хорошего тебе дня, Эми-Шлэми!

– И тебе, папочка-шляпочка!

Дэнни улыбнулся. Эми всегда умела его развеселить, в каком бы настроении он ни находился.

Сьюзен и Эми сели в машину и покатали в сторону школы, проехав мимо «Гостевого двора». Там всегда гостили десять или двадцать неудачников, один из них стоял возле своей разбитой старой машины и доставал из нее что-то похожее на ящик с инструментами. Пока «Додж-Дарт» проезжал по улице, постоялец не сводил с него глаз. У него было плоское уставшее лицо, и выглядел он как человек с непростой судьбой. Эми дотронулась до единорога на своем ожерелье:

– Ты знаешь, почему единороги такие крутые?

– И почему же, милая?

Эми начала болтать о единорогах и кентаврах, но Сьюзен слушала ее вполуха. Она думала о том разговоре, который состоялся у них ночью с Дэнни. Они уже лежали в своей кровати и обсуждали ее желание вернуться в колледж.

Сьюзен получила свой диплом в Общественном колледже Адирондака в двадцать один год, сразу после того как вышла замуж. Она никогда не отказывалась от мысли об образовании, ей хотелось стать медсестрой. Но сама по себе школа ей никогда не нравилась, к обучению у нее особых способностей не было, и работа у Молли в закусочной была для нее более удобным вариантом. Потом в их жизни была череда беременностей и выкидышей, затем родилась Эми, и Сьюзен посвятила всю себя воспитанию дочери.

Однако вчера настал тот момент, когда она призналась мужу, что подумывает о том, чтобы пройти курс обучения.

– Какой, например?

– Может быть, «Анатомия, или Рост и развитие человека». Курсы, которые нужны для школы медсестер.

– Любимая, я только за, – произнес Дэнни, поглаживая ее по руке. – Давай только для начала поднакопим денег. На рынке намечаются перемены, мы опять будем на коне, и нам не надо будет залезать в кредиты.

Сьюзен была очень благодарна мужу за то, что он не давил на нее в плане зарабатывания денег. Но с другой стороны, она должна решить, чем будет заниматься всю оставшуюся жизнь.

Эми все чирикала о своих мифических животных.

– Мама? – голос дочери звучал недовольно. – Mamочка, ты меня совсем не слушаешь.

Сьюзен повернула с шоссе 9N на длинную улицу, ведущую к школе.

– Прости, милая, что ты говоришь?

– Я никогда не сниму с себя это ожерелье. – Эми гладила бусинку в виде дельфина. – Никогда.

Сьюзен улыбнулась:

– И даже когда будешь принимать ванну?

– Да!

– И даже перед сном?

Эми активно затрясла головой:

– Нет! Даже когда я умру.

Они остановились перед школой – кирпичным зданием, которое было построено лет двадцать назад, когда экономика города была на подъеме. Лучшие подружки Эми – Шерри, Кейт и Сэнди – стояли на тротуаре у входа.

– Я тебя люблю, сладкая. Бабушка заберет тебя в половине четвертого.

– Я тебя тоже люблю, мамочка.

Эми быстро поцеловала ее и, как только машина тронулась с места, побежала к девчонкам.

Практически всегда, после того как отвозила дочку в школу, Сьюзен возвращалась домой. Дэнни уже был на работе, а она после уборки на кухне могла спокойно полистать журнальчик перед тем, как отправиться к Молли. Это было ее время, которое Сьюзен посвящала себе.

Но сегодня, поскольку ей предстояло провести весь день в закрытом помещении, она захотела прогуляться по Ривер-роуд, идущей вдоль реки Гудзон. Везде была непроходимая грязь, поэтому она решила не сходить с асфальтовой дороги. Светило солнце, и должно было быть не менее десяти градусов. Возможно, сегодня днем дойдет и до плюс пятнадцати.

Сьюзен наслаждалась видом на реку, в плеере по радио играло кантри – ее обожаемые Тим Макгроу и Фейт Хилл, звездная музыкальная пара. Она приветственно махала рукой водителям всех проезжавших мимо легковых и грузовых автомобилей. Многих из них она знала лично.

Когда Сьюзен закончила свою прогулку, она поехала в «Стоунс», где купила детскую зубную пасту для Эми, и в сетевой магазин продуктов IGA, где купила любимый соус для спагетти Дэнни на завтрашний вечер. Затем она направилась к Молли, чья закусочная находилась примерно в одиннадцати километрах, и добралась как раз к обеденному времени.

Спешить было особенно некуда. Первыми посетителями кафешки стали четыре старушки в шерстяных пальто, занявшие угловой столик. Они приходили сюда каждую пятницу и всегда оставляли скудные чаевые. Но Сьюзен старалась не осуждать их. Скорее всего, этот выход по пятницам был их единственным светским мероприятием на неделе, единственным, на что у них хватало денег.

Около полудня пришли какие-то дорожные рабочие, за ними заглянули люди из церкви, занявшие пару столиков. Когда она сложила все свои чаевые, получилось всего двадцать долларов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.